

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА Устинова

Колодец забытых желаний

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

В оформлении книги использован
шрифт «Клементина»
© «Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80

Колодец забытых желаний : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-79296-2

Вот сейчас, в этот самый миг, в это самое мгновенье, когда он должен принять судьбоносное решение, Олег Петрович испугался. Испугался и подумал: зачем ему это нужно?! Эта женщина, эта новая жизнь?! Но события последних дней все перевернули, все поставили с ног на голову... Икона с ликом Преподобного Серафима Саровского, которая словно сама попала к нему в руки, кража из музея уникальной демидовской коллекции, убийство его старого приятеля антиквара Василия Дмитриевича... Ясно как божий день — все это было предопределено. Предопределено кем-то свыше. Кем-то, кто послал ему на жизненном пути эту женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79296-2

© Устинова Т.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

«...О, как много попыток, как мало проку. Это значит, придется мне вам и вашему королю в сотый раз показывать этот фокус. Запускать во Вселенную мелкую крошку из ваших тел, низводить вас до статуса звездной пыли. То есть можно подумать, что мне приятно. Я не хотел, но не я виноват, что вы все забыли! Раз-два-три. Посчитать расстояние по прямой. Небольшая вспышка в точке прицела. До чего надоело, господи боже мой. Не пове-ришь, боже, как надоело».

*Дмитрий Быков.
Двенадцатая баллада*

Глухим звоном, как из подполья, вдруг зашелся телефон, и Василий Дмитриевич, пробормотав: «Простите великодушно, юноша», проворно потрусил в полумрак, куда не доставал желтый свет лампочки.

Олег неторопливо перевернул икону и взглянул на нее с обратной стороны, хотя все равно ничего особенного не высмотрел бы — в иконах он совсем не разобрался. Но именно в этой была какая-то странность, причем не простая, а радостная странность, иначе он не мог ее определить. Лик был светел, и от него не хотелось отводить глаз. Олегу вдруг подумалось, что радость исходит именно от лика. Пожалуй, он даже чувствовал ее, как тепло.

Удивительно.

В пахнувшей пылью и мышами глубине что-то стукнуло, по-немецки пробормотали: «Atzend» (дурак, козел), телефонные трели оборвались, и Василий Дмитриевич сказал солидно:

— У аппарата.

Собственно, Олегу ничего не было нужно, и зашел он просто так. Он любил старика, а тут вдруг сре-

ди бела дня оказался на Фрунзенской набережной, как не зайти!.. Прислушиваясь к разговору и по опыту зная, что беседа может затянуться очень надолго, Олег аккуратно поставил икону на богатый секретер, который он на глаз определил как недурную подделку под модерн, и стал пробираться к выходу.

На пути ему попались китайские вазы, «Ундервуды», два дивных портрета — на одном прекрасная дама на летней веранде, глаза возведены к небу, в пухлых руках груди незабудок, а на другом Сталин в окружении колхозной детворы, — несколько парчовых кресел с вытертой обивкой, напольные часы без стрелок, как пить дать из салона Анны Павловны Шерер, и еще много всякого разного, в чем он так любил копаться, когда у него было время!..

Он дошел почти до заваленного бумагами и всяким старьем письменного стола, за которым обычно сидел Василий Дмитриевич и читал под зеленой лампой толстую засаленную книгу, помедлил и оглянулся на поддельный модерн с оставленной иконкою.

Нужно забрать, вдруг сказал кто-то у него в голове. Забрать и отдать кому-нибудь, кто понимает, чтобы посмотрели и оценили. А вдруг это подлинник?..

— Голубчик вы мой, — бормотал за ширмой Василий Дмитриевич, — да где же я вам возьму второй точно такой же?! Этому торшеру черт знает сколько лет, черт знает сколько!.. А плафон я вам заказал, заказал, голубчик! Вася к среде не обещал, но сказал, что на следующей неделе уж точно!.. Нет, нет, и супруге вашей передайте, что плафон будет в точности... Да где же мы с вами достанем второй?! Нет, я очень уважаю вашу супругу, но где же?!

Олег сунул руки в карманы джинсов, пошевелил там пальцами, вынул и еще раз оглянулся на икону.

Да. Странно.

...или на самом деле забрать?

Зачем? Он ничего не понимает в иконах и даже специалистов никаких не знает!..

У порога звякнул меланхоличный колокольчик, проскрипели замороженные петли тяжелой двери, и по каменному полу процокали каблучки.

Девушка сощурилась в полутьме, поизучала его, улыбнулась и сказала негромко:

— Привет.

— Привет, — согласился Олег.

— Я пришла, — объявила девушка, — как договаривались, после двух!

— Я рад, — сказал Олег, не найдя ничего лучшего.

Она поводила головой, разматывая шарф, локоны падали ей на щеки, и она досадливо смахивала их рукой в перчатке.

— Ужас, — воскликнула она, сняв шарф, — ну и мороз!.. Градусов триста!

Она сунула шарф ему в руки, и он его принял, а девушка стянула перчатки и протянула ладошки к раскаленному рылу допотопного рефлектора, который среди прочих нужных вещей был помещен на столе у Василия Дмитриевича.

— Тепло, хорошо, — сказала она весело. — А как вас зовут?

— Олег Петрович.

От ее шарфа пахло духами и улицей, и мех щеко-тал ладонь, и Олег никак не мог придумать, куда бы его деть.

— Значит, Олег, — подытожила девушка. — Называть вас по отчеству я не буду. А мое имя Виктория.

Олег не понял, почему она не будет называть его

по отчеству, хотя именно так его называет большинство знакомых, но слегка поклонился.

— Ну, показывайте! — велела Виктория. — Я так давно жду! Вам ведь наверняка Василий Дмитрич оставил все инструкции. Кстати, а где он сам?..

Олег помолчал, а потом принял решение.

Он пристроил пахнувший духами шарф на крюк поверх потертой, выгоревшей и довольно пыльной кепки с надписью «Динамо», заглянул за ширму и сказал громко:

— Василий Дмитриевич! Тут к вам прекрасная барышня! Говорит, что вы должны были оставить мне инструкции!..

Старик пробормотал по-немецки: «Blödsinn»¹, зажал желтую телефонную трубку большой рукой и стал делать Олегу знаки лицом.

— Я не понимаю ничего, — громко и весело признался тот. — Вы мне словами скажите!

— Да пойдите же, пойдите к ней, — прошипел Василий Дмитриевич и локтем подтолкнул Олега Петровича. — Ну, покажите ей что-нибудь!

— Василий Дмитриевич! Вы где? — позвала сзади прелестная барышня Виктория. — Я пришла!..

— Она пришла, а у меня ничего! А она платит!.. Большие деньги! — телеграфно выстукивал Василий Дмитриевич на ухо Олегу. От его фуфайки несло нафталином, табаком и кофе. — Займите ее! Только пусть не уходит! Давайте, вы должны ее очаровать!

— Васи-илий Дмитриевич!

Старик прокричал в телефон, который шмелиным басом гудел у него в ухе:

¹ Глупость, идиотство, чепуха (нем.).

— Да, голубчик мой, да! Сейчас! — И опять зажал трубку.

— А что хоть она просила-то?! — тревожным шепотом спросил Олег.

— Ах, ну что они все нынче просят! Стулья из дворца! Непременно кресло и непременно гамбса! Давайте, идите! Покажите ей секретер! — И снова в телефон: — Голубчик вы мой, да где же я вам возьму второй точно такой же, даже любя вашу супругу более самого себя?!

Олег вышел из-за ширмы и оценивающе посмотрел на девушку.

Локоны, распахнутая шуба, замшевый жакет, каблучки. Ногти — лепестки, щечки — пионы.

— Ну?! — спросила она весело. — И что дальше?!

— Посмотрим, — ответил Олег Петрович уклончиво. — Только никакого гамбса у Василия Дмитриевича, конечно, нет, а я уполномочен показать вам секретер. Хотите?

— Как нет?!

Он удивился, что она до сих пор не догадалась.

— Да вот так. Не повезло вам.

— Ну, он же обещал! — беспомощно вскрикнула Виктория. — Мне так нужно! Мне для мамы нужно, не себе! У нее ремонт заканчивается!

— Хотите, покажу секретер?

— Ах, зачем мне секретер?! Он же обещал кресло, и именно гамбсоновское!

Олегу вдруг стало ее жалко.

— Ну, ведь Василий Дмитриевич не сам их делает! Он же не Гамбс!

Виктория посмотрела на него подозрительно.

— Смеетесь?

— Ну, вот не Гамбс и не Гамбс, — повторил Олег

Петрович. — Итак, или секретер, или мне придется откланяться и вверить вас заботам Василия Дмитриевича, хотя он и не Гамбс!

— Подождите, — сказала она с недоумением, — а разве вы здесь не работаете?

Олег Петрович признался, что работает совершенно в другом месте.

— А зачем вы мне тогда столько времени голову морочите?!

Олег Петрович решительно отказался от того, что он в принципе может морочить голову такой прекрасной барышне.

— А тогда вы кто?

Олег Петрович поинтересовался, в каком смысле «кто», а Виктория окончательно рассердилась и повернулась к нему спиной.

Игра неожиданно стала его увлекать, да и девушка на самом деле была красивой. Красивой и забавной.

— Извините меня, — сказал он с известным раскаянием в голосе. — Я правда здесь не работаю, я просто дружу с Василь Дмитричем и иногда к нему заезжаю. У него действительно нет сейчас никакого гамбса, хотя, быть может, он вам его и обещал.

— Но ведь...

— Ну нету! — перебил Олег и развел руками. — Хотите посмотреть секретер? Подделка, конечно, но очень хорошая!

Он и сам толком не знал, чего именно ему больше хочется — развлекать барышню или вернуться к оставленной иконе.

Виктория пожала плечами под легкой шубкой и посмотрела на Олега оценивающе.

Да. Ничего такого, что можно было бы оценить в положительном смысле. Одеваться он не умел и не

любил. Следуя за ее изучающим взглядом, он осмотрел свои джинсы — джинсы как джинсы, не слишком новые, но любимые, — черный свитер грубой шерсти с полосой на животе и ботинки на толстой подошве.

— Олег Петрович, Олег Петрович, — сокрушаясь, часто повторял Гена Березин, его водитель, — мне бы ваши возможности да ваши денежки, я бы выглядел, как Микки Рурк!

Олег Петрович всегда в таких случаях представлял себе Гену с набриолиненным пробором, в ботинках на босу ногу, пиджаке на голое тело и с гарденийей в петлице, и разговор о моде как-то сам собой увядал.

Должно быть, джинсы и свитер Виктории тоже не внушили никаких оптимистических надежд, потому что она стала изучать его лицо.

Лицо у него тоже так себе, Олег знал это совершенно точно. Кроме того, он рано начал лысеть и уже много лет брился наголо, что общей красоты ему решительно не добавляло.

Вот так возьмешься произвести впечатление на барышню, распушишь хвост, встопорщишь перья, как-то даже притопнешь молодцевато, словно парубок на гулянье, а тут раз — череп лысый, рожа небритая, ботинки так себе, джинсы посредственные, на пузе полоса. И что дальше?..

Виктория еще какое-то время смотрела на него почти с отвращением, потом вздохнула тихонько и сказала обреченно:

— Ну, пойдёмте, что ли! Показывайте ваш секретер. Хотя он мне совершенно, совершенно не нужен!

Мимо «Ундервуда», динамовской кепки, скрытой под ее норковым шарфом, мимо китайских ваз, Сталина в окружении детворы и дамы в окружении незабудок они добрались до секретера, на котором свет-

лым ликом сияла давешняя иконка, и уставились на него.

Собственно, Олег смотрел на икону, а Виктория на секретер.

Что такое, думал он напряженно. Почему меня тянет взять икону в руки и больше никогда и никому ее не отдавать?! Может, так и сделать, и шут с ней, с экспертизой?..

Что такое, думала она расстроено. Почему нет кресла, маме так хотелось, и я ей обещала, и этот старый хрыч сказал, что достанет! Ну, не в Лондон же лететь, на самом деле! Нет, можно и слетать, но контейнер оттуда придет неизвестно когда, а маме хочется именно сейчас! И еще этот бритый привязался! Можно подумать, что он мне пара!..

— Ну вот, собственно, — промямлил Олег и указал рукою на секретер. — Это не модерн, конечно, но вполне может статься, что в похожем секретере хранил свои рукописи Осип Манделъштам или... или...

— Анна Ахматова, — мрачно подсказала Виктория.

— Ну, это скорее мужская мебель, чем женская, но почему нет?.. Почему, собственно, не Анна Андреевна?..

— Да потому что мне не нужен секретер, а нужно кресло!

Щеки у нее еще горели с мороза, и она была розовая, хорошенькая, вкусно пахнущая. И тут Олег Петрович все придумал.

— Слушайте, — сказал он, — давайте начнем все сначала. Как будто вы не приняли меня за приказчика, а я вам вовсе не хамил. Я приглашаю вас на... — Он отогнул манжету своего рыбацкого свитера и посмотрел на часы. Во-первых, потому, что так делал герой в

каком-то кино, приглашая на свидание героиню, а во-вторых, потому, что на пять у него была запланирована встреча, которую он отменить никак не мог, и необходимо было управиться. — На кофе с бутербродами.

— Меня?! — поразилась Виктория.

Он помолчал.

— Если бы я хотел пригласить Василия Дмитриевича, то сделал бы это заранее.

Лицо у нее стало насмешливым, и он совершенно точно знал, о чем она думает.

Конечно, ты мне не пара. Конечно, я тебе нравлюсь, я красавица, а ты урод. Конечно, тебе до смерти хочется показаться со мной на людях. Но я сейчас тебе откажу. И я не понимаю, как ты вообще решился!.. А впрочем, день все равно испорчен! Кресла-то нету!..

— Ну... хорошо, — сказала она, запнувшись именно там, где нужно, и именно так, как нужно. — У меня есть полчаса, раз уж так вышло!.. А вы знаете где-нибудь поблизости приличное место?

Олег Петрович знал поблизости много разных мест — разных как раз по степени приличия и неприличия, — но особенно разгоняться не стоило. В пять встреча, и вообще он видит ее первый раз в жизни!

— За углом чудесная французская кофейня. Называется «Кадо». Вы знаете, что означает это слово?

— Подарок, — буркнула девушка, и Олег Петрович порадовался, что не ошибся. Мало того, что хорошенькая, еще и по-французски говорит. А может, и не говорит, так, нахваталась где-нибудь!..

Аккуратно и чуть брезгливо неся полы шубки над пыльной рухлядью, она пробралась к выходу, а Олег Петрович помедлил и взял с секретера икону. Старец

смотрел теперь прямо на него, и ему показалось, что одобчительно.

Господи, что за чепуха! Blödsinn, сказал бы Василий Дмитриевич, любивший крепкие немецкие словечки.

— А это что такое?

— Где?

— Да у вас в руках.

Олег не понял вопрос.

— Икона. Вы разве не видите?

— Да уж вижу, — сказала Виктория с сарказмом. — А вы что? Православный любитель икон?

— В какой-то степени, — пробормотал Олег, — в какой-то степени любитель.

— Дайте посмотреть.

Выпускать икону из рук Олегу не хотелось. Ну вот совсем не хотелось!.. И он просто повернул ее ликом к девушке. Она глянула насмешливо.

— Что это вы в нее так вцепились? Бойтесь, что отниму?

Он пожал плечами. С ним уже давно — сто лет! — никто не разговаривал в таком тоне, и он... терялся немного.

За ширмой продолжали бормотать, и время от времени слышались немецкие ругательства.

— Василий Дмитриевич, мы пошли! — громко сказал Олег в сторону ширмы. — До свидания!

— Голубчик, простите великодушно, но как раз привезли ваш плафон, — залихватски соврал старик за ширмой, и Олег улыбнулся. — Да, да, непременно перезвоню, голубчик! Непременно! Как только увижу своими глазами, так сей же момент перезвоню!..

— Ну, дайте мне уже мой шарф, — приказала

Виктория. — Или вы думаете, я сама буду его оттуда... стягивать?

— Да, да, всенепременнейше, голубчик, а супруге передайте поклон и уважение и уверения во всяческом...

— Держите ваш шарф, и где-то здесь была моя куртка...

— Вон на стуле что-то валяется, это не она?

— Вы не поверите, но как раз она.

— Да, да, голубчик вы мой, вынужден прервать, чтобы бежать. Плафон, знаете, вещь хрупкая...

Олег натянул куртку, не выпуская из рук икону. Ну, вот не хотелось ему ее выпускать!..

— Василий Дмитриевич, мы пошли! Прекрасную барышню я у вас забираю! — Он почти выговорил «похищаю», но в последний момент чувство юмора все же вмешалось и не позволило так уж напрямую следовать законам жанра.

— Нет, нет, постойте! Ради бога, простите!.. Нет, это я не вам!

— А икону я возьму, покажу специалистам, — негромко продолжил Олег, заглядывая за ширму. Старик посмотрел на него несчастными глазами и попилил рукой по синему шарфу, который был намотан у него на шее. Олег еще понизил голос. — Да я все понимаю, и она все понимает и не обижается! Выгодного клиента вы не потеряете, я вам точно говорю. Икону на следующей неделе привезу.

— Да, да, да, только вы уж с девушкой поласковее, Олег Петрович! Платит много! Хорошая девочка и платит много!..

После полумрака антикварной лавки свет морозного дня показался Олегу ослепительным, почти не-